

*Задобривская О. Ф.,
преподаватель филиала
Приднестровского государственного
университета имени Тараса Шевченко в г. Рыбница*
*Балан М. В.,
студент филиала
Приднестровского государственного
университета имени Тараса Шевченко в г. Рыбница*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФАШИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ ТОМАСА МАННА «МАРИО И ВОЛШЕБНИК»)

Аннотация. В статье рассматривается понятие метафоры и ее роль в художественном тексте, а также проводится исследование на предмет выявления метафор, отражающих явление фашизма в новелле.

Ключевые слова: метафора, функционирование метафоры, фашизм.

Сущность языка изначально ориентирована на выражение чего-то через нечто иное, не связанное с предметом обозначения по природе. Метафора является одним из двигателей процесса создания знаковых отношений, без которых язык как саморазвивающаяся система адаптации к окружающей среде вскоре прекратил бы существование, в то же время она является и источником иногда вынужденного обмана.

Целью данной статьи является анализ лексических единиц, способствующих более полной метафорической передачи такого явления, как фашизм в новелле Томаса Манна «Марио и волшебник».

Актуальность выбранной темы очень велика, и связана она, прежде всего, с тем, что поднимаемый шум вокруг явления фашизма требует особого внимания в плане освещения проблемы, т.к. данное явление носит негативный характер в плане его популяризации и неверной трактовки, а интерпретация его при помощи метафоры несет иную, более выразительную нагрузку.

В XX веке на фоне развития новых направлений метафора становится для лингвистики в целом некоторым объединяющим феноменом, исследование которого кладет начало развитию когнитивной науки и привлекает особое внимание таких лингвистов, как Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов и другие.

Так, например, **А.П. Чудинов в работе «Теория метафорического моделирования на современном этапе развития»** определил метафору, как основную ментальную операцию, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [1, с. 35].

Профессор когнитивной лингвистики **Дж. Лакофф в «The Contemporary Theory of Metaphor»** говорит о способах создания метафоры и о составе данного средства художественной выразительности. Метафора, по теории Дж. Лакоффа, является прозаическим или поэтическим выражением, где слово (или несколько слов), являющее-

ся концептом, используется в непрямом значении, чтобы выразить концепт, подобный данному. Дж. Лакофф пишет, что в прозаической или поэтической речи метафора лежит вне языка, в мысли, в воображении [2].

Метафора – это троп, слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака. Термин принадлежит Аристотелю и связан с его пониманием искусства как подражания жизни.

В изучении метафор главное значение отводится основному лексическому значению слова. Но и здесь существуют некоторые проблемы, т.к. в данном случае речь идет о существительном в роли метафоры к позиции предиката, приложения и к сочетанию с родительным падежом другого существительного. Но характеризующая функция метафоры требует своего выражения в форме сказуемого. **Н.Д. Арутюнова** пишет: «Тезис о том, что метафора соотносена с позицией предиката, не предполагает, что всякое фигуральное по своему смыслу сказуемое является метафорой. Метафора в сказуемом сталкивается с ограничениями, обусловленными морфологическими и лексико-семантическими факторами» [3, с. 17].

Понимание метафоры – результат творческого усилия, т.е. метафора не

подчиняется никаким правилам. Для создания метафор не существует инструкций, нет справочников для определения того, что она «означает» или «о чем сообщает» [4, с. 354]. Метафора опознается только благодаря присутствию в ней художественного начала.

Ученый **Д. Дэвидсон в своем труде «Теория метафоры»** утверждает, что метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем прямом значении [5, с. 172]. Поскольку этот тезис не соответствует известным современным точкам зрения, то многое из того, что он сказал, несет в себе критический характер, т.к. при свободном взгляде метафора становится более интересным явлением.

Согласно точке зрения Д. Дэвидсона, метафора наделена не только буквальным смыслом или значением, а еще и некоторым другим смыслом и значением. Это заблуждение свойственно многим. Мысль о семантической двойственности метафоры принимает разные формы – от относительно простой у Аристотеля до относительно сложной у

М. Блэка. Некоторые авторы особо подчеркивают, что метафора, в отличие от обычного словоупотребления, проникает в суть вещей.

Взгляд на метафору как на средство передачи идей кажется

Д. Дэвидсону столь же неверным, как и лежащая в основе этого взгляда идея о том, что метафора имеет особое значение. Он согласен с той точкой зрения, что метафору нельзя перефразировать, не потому что метафоре добавляются новое значение, а потому что просто нечего перефразировать. Перефраз, независимо от того, возможна она или нет, просто передает то же самое другими словами. Но если Д. Дэвидсон прав, метафора не сообщает ничего, помимо своего буквального смысла.

Те, кто отрицал, что у метафоры помимо буквального значения имеется особое когнитивное содержание, стремились показать, что метафора вносит в речь эмоции и путаницу и не пригодна для серьезного научного или философского разговора. Д. Дэвидсон не разделяет этой точки зрения. Метафора часто встречается не только в литературных произведениях, но и в науке, философии и юриспруденции.

В своем мнении о том, что метафора творит чудеса, Д. Дэвидсон основывается на различии значения слов и их использования и полагает, что метафора принадлежит сфере употребления. Метафора связана с образным использованием слов и предложений и зависит от значения слов и, следовательно, состоящих из них предложений [5, с. 179].

Ученый Д. Дэвидсон отрицает воздействие метафоры благодаря своему особому значению, особому когнитивному содержанию. Д. Дэвидсон, в отличие от других ученых, не считает, что эффект метафоры зависит от ее значения, которое является результатом взаимодействия двух идей [5, с. 182].

Метафора заставляет увидеть один объект в свете другого, что и влечет за собой «прозрение» читателя.

В статье Ж. Желева «Фашизм» изучаемое явление представлено как обобщенное название крайне правых политических движений, идеологий и соответствующая им форма правления диктаторского типа, характерными признаками которых являются национализм, культ личности, милитаризм, тоталитаризм [6, с. 24].

Слово фашизм происходит из итальянского и означает «союз». В более узком историческом смысле под фашизмом понимается массовое политическое движение, которое существовало в Италии в 1920-х-начале 1940-х под руководством Б. Муссолини.

Э. Фромм, рассуждая о фашизме в книге «Психология нацизма. Тайна порока или душа просит грязи», пишет, что в научной литературе о фашизме высказываются две противоположные точки зрения. Первая состоит в том, что фашизм – это сугубо экономическое и политическое явление, и психология никак его не объясняет, а вторая – в том, что фашизм – это психологическая проблема [7, с. 181].

Э. Фромм высказывает гипотезу о том, что фашизм – это психологическая проблема, но оговаривается, что сами психологические факторы могут быть поняты лишь при учете их формирования под воздействием факторов социально-политических и экономических. Таким образом, согласно теории Э. Фромма, фашизм – это экономическая и политическая проблема, но без учета психологических

факторов невозможно понять, каким образом он приобрел власть над целым народом [7, с. 189].

Таким образом, прочитав новеллу Томаса Манна «Марио и волшебник», мы выявили, что произведение является хорошим примером для отображения такого явления, как фашизм, причем в некоем переосмысленном, переносном значении, т.е. при помощи метафоры.

Использование метафоры для отображения характерных черт фашизма помогают читателю погрузиться в атмосферу бездушья, ощутить давление царящего гипноза. Благодаря использованию автором метафор произведение приобретает экспрессивную окраску, что делает его еще более интересным, живописным и красочным.

Изучив и проанализировав литературу по данной проблематике, проведя практическое исследование в данной области, в первую очередь, мы обратили внимание на главного героя, Чиполлу, человека неопределенного возраста с пронзительными глазами, сжатými губами, черными усами и мушкой в углублении между нижней губой и подбородком. Впервые на сцене он появился в странном одеянии – в широком черном плаще без рукавов с бархатным воротником, в белых перчатках, на шее белый шарф и цилиндр. В облике Чиполлы было что-то похожее на историческую фигуру XVIII века в Италии. Первое впечатление он произвел своим красноречием, расположив таким образом к себе публику. Но его суровый характер проявляется практически в каждом контексте данной новеллы.

Приняв за основу определение, предложенное словарем лингвистических терминов, где метафора определяется как «способ выражения, рассматриваемый как перенос абстрактного понятия в конкретный план путем своего рода сокращенного сравнения или, скорее, подстановки» [8, с. 155], мы проанализировали новеллу на предмет выявления метафор, которые тем или иным образом отображают явление фашизма. **Нашей задачей было выявление художественных метафор**, которые более полно передают царившую в тот момент атмосферу, которые служат средством украшения речи.

В рассматриваемом контексте «*Und doch war klar, daß dieser Bucklige nicht zauberte, wenigstens nicht im Sinne der Geschicklichkeit, und daß dies gar nichts für Kinder war*» Цвейг использует метафору для описания внешнего вида фокусника. Чиполла был одет в плащ, под которым он прятал свою волшебную плетку, благодаря этим атрибутам он был похож на горбатое чудовище. Таким образом, мы видим, что автор сравнивает главного героя с неприятного вида созданием, которое наводит ужас на окружающих, что с большим эффектом подчеркивает негативность изучаемого явления.

Обращая внимание на отрывок «*Eine gewisse Abneigung und Aufsässigkeit war durchzufühlen; aber von der Höflichkeit zu schweigen, die solche Regungen im Zaum hielt, verfehlten Cipolla's Können, seine strenge Sicherheit nicht, Eindruck zu machen, und selbst die Reitpeitsche trug, meine ich, etwas dazu bei, daß die Revolte im Unterirdischen blieb*», мы видим явную неприязнь публики к фокуснику, а с другой стороны, интерес к его мастерству. Так, становится очевидным тот факт, что люди, не обращая внимания на унижение, направленное в их сторону, не решались покинуть представление. Эта ситуация действительно напоминает некий мятеж, но автор сравнивает его с мятежом в подземелье, таким обра-

зом показывая, что этот бунт никак не может повлиять на иллюзиониста, что придает ему больше сил и энергии, ведь он становится свидетелем безвыходности, безысходности и покорности аудитории.

Философское отступление от иллюзионизма может быть продемонстрировано в следующем примере:

«Die Freiheit existiert, und auch der Wille existiert; aber die Willensfreiheit existiert nicht, denn ein Wille, der sich auf seine Freiheit richtet, stößt ins Leere. Sie sind frei, zu ziehen oder nicht zu ziehen. Ziehen Sie aber, so werden Sie richtig ziehen, – desto sicherer, je eigensinniger Sie zu handeln versuchen.»

Говоря о таких высоких материях, мужчина пытается ввести в заблуждение аудиторию, отвлечь от происходящих событий и погрузить в ту атмосферу, которая выгодна ему. Он как бы толкает их в бездну, в бездну незнания и непонимания происходящих событий. Для Чиполлы главной задачей было отвлечь людей от реальности и заставить поверить их в его мощь и силу.

При помощи метафоры в следующем контексте *«Der Anblick des Unholds im Salonrock, hockend auf der verholzten Gestalt, war unglaublich und scheußlich, und das Publikum, in der Vorstellung, daß das Opfer dieser wissenschaftlichen Kurzweil leiden müsse, äußerte Erbarmen»* описывается образ Чиполлы и его поведения. На протяжении всего произведения мы наблюдали за тем, как автор неоднократно называет Чиполлу «чудовищем», наделяя его такими чертами характера, которые присущи людям, принадлежащим или входящим в течение такого явления, как «фашизм», он еще и пытается всеми средствами передать сам образ героя, который производит ужасающий эффект. Но несмотря на это, фокусник смог подчинить себе публику: во время проведения эксперимента иллюзионист позволил себе сесть на тело загнипнотизированного мужчины. Так Чиполла показывает свое неуважительное отношение к людям и свою власть над ними, т.к. загнипнотизированный мужчина подчинялся только ему.

Люди превратились в марионеток и выполняли любой приказ фокусника. «Волшебными» свойствами своей плетки Чиполла смог подчинить себе людей:

«..., er tanzte, und so führte der Cavaliere ihn, während die Leute klatschten, aufs Podium, um ihn den anderen Hampelmännern anzureihen. Man sah nun das Gesicht des Unterworfenen, es war dort oben veröffentlicht. Er lächelte breit, mit halb geschlossenen Augen, während er sich >vergnügte<. Es war eine Art von Trost, zu sehen, daß ihm offenbar wohler war jetzt als zur Zeit seines Stolzes.»

Здесь автор описывает состояние людей, которых загнипнотизировал своей плеткой Чиполла. Правда, следует отметить, что в данном контексте сама метафора является стертой, но употребляя ее в своей речи, рассказчик акцентирует наше внимание на том аспекте, что люди становились безвольными при Чиполле: они не могли ничего делать, они выполняли только то, что было выгодно волшебнику, который всеми силами пытался себя позабавить и развлечь.

В новелле Томаса Манна «Марио и волшебник» данное явление приобретает свой особый колорит, т.к. один из главных героев наделяется автором всеми чертами, присущими людям, задействованным в это течение. Внешний вид, поведение, вся его сущность наполнены силой, властью, яростным желанием и стремлением к завоеванию новых высот. Для достижения желаемого ему не нужно много, всего лишь безрассудное повиновение обычных

людей. Таким образом, подчинив их себе, главный герой приобретает власть и беспощадность.

Таким образом, неслучайно тема фашизма до сих пор не оставляет равнодушными людей разных поколений, а метафоры еще больше подчеркивает данное явление и его характерные черты.

Итак, **мы можем сделать вывод**, что данное произведение хорошо подходит для рассмотрения изучаемого явления фашизма и содержит достаточное количество примеров для характеристики данного явления.

Во-первых, это – власть: благодаря своему внешнему виду и уловкам Чиполла подчинил себе публику. **Во-вторых**, достижение своей цели любыми способами. Так, например, фокусник заставил мужчину извиваться в страшных судорогах только потому, что тот не хотел танцевать. **В-третьих**, неуважение и бестактность, т.е. невежественное поведение к другим и мнение о том, что другие рангом ниже. **В-четвертых**, жестокость и суровость в манерах человека имеет цель показать силу характера и власть над остальными.

В дальнейшем планируется продолжать работу в данном направлении, цель которого более детально изучить второго главного героя – Марио, который выступает в противовес Чиполле, и провести сравнительный анализ этих действующих лиц новеллы.

Литература:

1. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития. Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. – 487 с.
2. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor – Режим доступа:
3. <http://ru.scribd.com/doc/15523804/Cognitive-Linguistics-Lakoff-G-The-Contemporary-Theory-of-Metaphor>
4. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Высшая школа, 1990. – 268 с.
5. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 390 с.
6. Дэвидсон Д. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
7. Желев Ж. Фашизм // Преподавание истории в школе. – 2000. – № 10. – С. 24-28.
8. Фромм Э. Психология нацизма. Тайна порока или душа просит грязи. – М.: Гриф, 1995. – 235 с.
9. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с фр.
10. В.А. Звездинцева. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.

Задобрицька О. Ф., Балан М. В. Метафорична репрезентація фашизму (на матеріалі новели Томаса Манна «Марио і чарівник»)

Анотація. В статті розглядається поняття метафори та її роль у художньому тексті, а також проводиться дослідження на предмет виявлення метафор, які відображають явище фашизму в новелі.

Ключові слова: метафора, функціонування метафори, фашизм.

Zadobrivskaia O., Balan M. Fascism metaphorical representation (on the basis of the short story by Thomas Mann «Mario and the Magician»)

Summary. The concept of a metaphor and its role in the literary text is considered in the article, and also the research regarding identification of the metaphors reflecting the fascism phenomenon in the short story is conducted.

Key words: metaphor, metaphor functioning, fascism.